

УДК 101.1+165.4+17.036

DOI: 10.15372/PS20230204

EDN: NMXEMV

Э.В. Барбашина**«НАРРАТИВНАЯ ПАРАДИГМА» В. ФИШЕРА В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ НАРРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Одним из значимых направлений в нарративных исследованиях является разработка «нарративной парадигмы», осуществленная В. Фишером. Определено, что основные отличия в понимании нарратива, нарративной парадигмы связаны, во-первых, с рассмотрением нарратива как универсальной формы коммуникации и, во-вторых, с признанием «аргументативной» функции нарратива в качестве приоритетной. Убедительность нарратива зависит от внутренней согласованности, достоверности, соответствия с ценностями и убеждениями слушателя или аудитории. Проанализированы достоинства нарративной парадигмы в сравнении с рациональной парадигмой. Они, с точки зрения В. Фишера, заключаются в том, что в нарративной парадигме исключен социальный контроль, приобщение к ней осуществляется естественным путем, участники нарративной парадигмы равны за счет исключения экспертов и, кроме того, она обладает не только описательной, но и нормативной функцией. Показано, что моральный статус нарративной парадигмы является как минимум проблематичным. А социальный контроль – возможен.

Ключевые слова: нарративные исследования; «нарративный поворот»; нарративная и рациональная парадигмы; убедительность нарратива; социальный контроль нарратива

E.V. Barbashina**W. FISCHER'S "NARRATIVE PARADIGM" IN THE CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT OF NARRATIVE RESEARCH**

One of the significant fields in narrative research is the development of the "narrative paradigm" carried out by W. Fischer. It has been determined that the main differences in the understanding of narrative and the narrative paradigm are associated, firstly, with considering narrative as a universal form of communication and, secondly, with recognizing the "argumentative" function of narrative as a priority. The persuasiveness of a narrative depends on its internal coherence, credibility, and consistency with the values and beliefs of the listener or audience. The advantages of the narrative paradigm in comparison with the

rational one are analysed. In W. Fisher's view, they are that in the narrative paradigm social control is excluded, introducing to it is carried out naturally, the participants in the narrative paradigm are equal due to the exclusion of experts and, in addition, it has not only descriptive, but also normative functions. The moral status of the narrative paradigm is shown to be at least problematic. But social control is possible.

Keywords: narrative research; "narrative turn"; narrative and rational paradigms; persuasiveness of narrative; social control of narrative

Следствием «нарративного поворота», начавшегося в 80-е годы прошлого века, стали активное исследование нарратива и его применение практически во всех областях социально-гуманитарного знания. Интерес к нарративу как способу раскрытия опыта прошлого сформировался уже в конце XIX в., но его теоретико-методологическое осмысление развивается после «нарративного поворота», после того, как начинается институализация нарративных исследований, в отличие от других видов повествования [14, p. 377–378]. В настоящее время нарративные исследования ведутся в традиционных областях, таких как литература, социология, психология, антропология, история, и на новых «нарративных территориях»: в медицине, юриспруденции, экономике. Более того, появляются работы, в которых исследуются нарративы в кино, опере, музыке, живописном произведении, что нарушает классическое различие между «рассказываемым» и «показываемым». Авторы объясняют возможность такого понимания нарратива тем, что показ оперы, например, «многократно опосредован... и он функционирует как нарратив», так как «взаимодействие рассказа и музыки заставляет его адаптировать, а не просто воспринимать» [13, p. 441–442].

Несмотря на многочисленные исследования в области нарративов, многие вопросы остаются спорными до настоящего времени и выступают предметом дискуссий: обсуждаются существенные признаки нарратива, его функции, методологический статус, общее и особенное в применении нарративного подхода в различных дисциплинах и многое другое. Ведутся дискуссии и по более «изысканным» вопросам: о наличии культурных или ситуативных сценариев для создания нарратива и «плотности взаимодействия между ними, об ожидании слушателя нарратива и зависимости нарратива от этого, о взаимосвязи главных и встречных нарративов, о степени социального контроля нарратива и др. До настоящего времени остается актуальным высказывание Э. Мишлера о том, что отличительным

признаком нарратива «является его разнообразие в теории, методе, предмете» [16, р. IV]. В какой-то степени сложившаяся ситуация является неизбежной, на мой взгляд, и обусловлена следующими причинами:

- изменением содержательных характеристик нарратива и трансформацией его методологического статуса в течение XX в.;
- применением нарратива как междисциплинарного подхода (междисциплинарной парадигмы) и развитием его как специализированного метода в различных дисциплинах [3];
- трансформацией философских оснований нарратива, а в более общем варианте – изменением понимания сущности человека и способов его бытия [1, с. 154–156].

Развитие нарратива в XX в. шло по двум основным направлениям: в рамках одного направления нарратив утверждался как предмет изучения, в рамках другого нарратив, точнее нарративный подход совершенствовался как метод исследования. Внутри каждого из этих направлений произошло несколько «разворотов», которые изменили как содержательные характеристики нарратива, так и его методологический статус.

На первых этапах нарратив понимался как зеркальное отражение того, что происходило в прошлом. И такое понимание нарратива существовало достаточно долго. В 1970 г. Н.К. Дензин пишет о том, что нарратив – это опыт, который излагает один человек, группа или организация [5, р. 220]. Другими словами, нарратив – это пересказ, устный или письменный, тех событий, которые произошли в прошлом и воспроизводятся в настоящем. Причем это воспроизведение представляет собой «аутентичную картину», «зеркальное отображение» прошлого.

Постепенно понимание нарратива усложняется и ставятся вопросы о том, какие признаки (элементы) являются обязательными. Они, по образному выражению К.К. Риссман, выполняют роль несущих конструкций, которые удерживают содержательное многообразие нарратива и обеспечивают его устойчивость [17, р. 3]. На следующем «развороте» совершается переход от нарратива как «готового продукта» к процессуальному пониманию нарратива, участие в котором принимает не только автор нарратива, но и слушатель. Постепенно процессуальное понимание нарратива усложняет-

ся необходимостью учета различных контекстов, в том числе социальных [12, p. 547].

Изменение методологического статуса также произошло в несколько этапов. В первых работах применение нарративного метода не было обосновано теоретико-методологическими соображениями, было в какой-то степени случайным. И хотя публикация известной работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» вдохновила представителей Чикагской школы социологии на развитие биографических исследований, все равно до середины 1960-х годов они считались любительскими, но еще после Второй мировой войны и вовсе оказались маргинальными [4].

После публикации работ В. Проппа, В. Лабова и Дж. Валецкого интерес фокусируется на определенных видах нарратива, и, соответственно, разрабатываются специализированные методологические подходы. С 70-х годов XX в. методологический статус нарративного подхода начинает повышаться. Совершается постепенный переход от нарративного подхода, квалифицируемого как один из многих методов анализа эмпирических данных (Н.К. Дензин, И.С. Лиинкольн), к рассмотрению его как методологии (Д.Ж. Клаудинен).

Вершиной развития нарратива и нарративного подхода стала нарративная парадигма, разработанная В. Фишером. Она, по мнению ее автора, охватывает все виды коммуникации, является универсальным методом анализа принимаемых человеком решений и его действия, а также обладает моральной ценностью. Уже в первых публикациях [7, 9; 10; 11] Фишер высказывает идею о том, что нарративная модель представляет собой универсальную модель всех возможных вариантов коммуникации. Эта же мысль воспроизводится в расширенном виде в более поздних публикациях. «Независимо от того, насколько строго все аргументировано – теологически, научно, философски или юридически, – это всегда будет нарратив» [8, p. 209].

В. Фишер развивает понимание нарративной парадигмы с учетом критики метанарративов (Ж.-Ф. Лиотар) и утверждения о повсеместном присутствии нарративов (Р. Барт). В своих работах Фишер также опирается на результаты, которые уже были получены в нарративных исследованиях. Особенно важными оказались работы, в которых обосновывается универсальность нарратива, а именно раскрываются его многочисленные функции и аргументируется понимание жизни человека, общества как нарратива.

Если проанализировать функции, которые приписывают нарративу, то складывается впечатление, что он выполняет все или практически все жизненно важные функции. Нарратив формирует идентичность каждого человека и различных групп (П. Аласуутари, Дж. Брунер, Д.П. МакАдамс, Д.Э. Полкингхорн). Благодаря нарративу проявляются различные аспекты и формы культуры (Т. Зильбер, Р. Тувол-Машиах, А. Либlich, М. Кеньон, У.Л. Рэндолл). Он является основанием когнитивных процессов (Дж. Брунер, М. Тернер). Посредством нарратива осуществляется личностная и групповая коммуникация (К.Дж. Герген, М.М. Герген). Особый интерес представляют нарративы людей, которые попали в сложные жизненные обстоятельства, таких как иммиграция (Н. Сабар-Бен Иегошуа), развод (К.К. Риссман), жизнь в доме престарелых (Дж.Ф. Губриум), болезнь (А. Франк, Дж. Уильямс, С.Э. Белл).

Вторая идея, которая оказала влияние на формирование нарративной парадигмы – это, как было сказано выше, идея о том, что жизнь человека, группы представляет собой нарратив. А точнее, человек живет в соответствии с нарративами, которые он подтверждает на протяжении всей жизни. Личные и общие нарративы являются важнейшим и обязательным способом реализации жизни человека, тем способом, с помощью которого человек определяет свою жизнь, формирует идентичность, культуру и общество. Личность – это не что иное, как нарратив жизни, над которым человек начинает работать в позднеподростковом и юношеском возрасте, чтобы обеспечить свою жизнь единством и целью [15, р. 5].

Общий вывод, который стал важен для работ В. Фишера, заключается в том, что человек живет, существует в нарративах и благодаря им. Нарратив – это своеобразный портал [18, р. 3], через который человек входит в мир, конституирует себя и конструирует реальность.

В. Фишер, с одной стороны, опирается на те результаты, которые были получены в нарративных исследованиях, а с другой – добавляет свое понимание нарратива и его функций. Нарратив понимается им как универсальная форма коммуникации. Это значит, что все без исключения виды устной и письменной, прямой и опосредованной коммуникации – нарративы. В одной из самых известных своих книг «Человеческая коммуникация как нарратив: К философии разума, ценности и действия» (Human Communication as Narrative: Toward a Philosophy of Reason, Value, and Action) Фишер пишет:

«...Такие работы, как “Происхождение видов” Чарльза Дарвина и “Специальная и общая теории относительности” Альберта Эйнштейна, столь же полезно интерпретируются и оцениваются через нарративную парадигму, как и... последний популярный фильм» [6, р. 96].

Следующее отличие в понимании нарратива заключается в том, что Фишер под нарративом подразумевает «символические действия – слова и/или дела, – которые имеют последовательность и значение для тех, кто живет, создает или интерпретирует их» [6, р. 58]. Во введении к этой же книге Фишера нарратив определяется как то, что имеет временной порядок и персонажей, которые взаимодействуют и изменяются в нарративе, по своей сути являющемся символической интерпретацией различных характеристик мира, происходящей во времени и формирующейся под влиянием истории, культуры и характера [6, р. XIII].

Основной функцией нарратива является «аргументативная», которая побуждает человека к принятию определенных решений и выполнению определенных действий на их основе. Фишер не отрицает остальные функции нарратива, но основной и определяющей выступает именно «аргументативная».

Для того чтобы показать, что такое нарративная парадигма, и обосновать ее доминирующую роль, Фишер сравнивает ее с более известной, традиционной рациональной парадигмой («парадигмой рационального мира»). Начиная с Древней Греции принятие решений опиралось на рациональную аргументацию. Более того, это является одним из фундаментальных отличий древнегреческой мыслительной культуры. Она, в противоположность великим цивилизациям Древнего Востока, апеллировала к разуму, а не к религиозным авторитетам. Рациональная парадигма, появившись в культуре Древней Греции, постепенно формируется, закрепляется и становится доминирующей.

Содержание рациональной парадигмы включает следующие тезисы [6, р. 59]:

- человек по своей сути – рациональное существо;
- основным способом рассуждений и принятия решений является спор, в котором используется рациональная аргументация;
- процесс аргументации и убедительность аргументов определяются контекстом, например юридическим, научным, идеологическим;

- степень рациональности определяется тем, насколько участникам известен предмет спора, как они умеют аргументировать, и тем, насколько они владеют особенностями ведения спора в данной конкретной области;
- мир – это набор загадок, головоломок, которые можно и нужно решать с помощью рациональных аргументов, причем они оцениваются как правильные либо ошибочные в соответствии с критериями формальной или неформальной логики.

Парадигма рационального мира закрепились в интеллектуальной традиции, начиная с дедукции Аристотеля, продолжая табличной индукцией Бэкона, принципом методического сомнения Декарта, трансцендентальными условиями познания Канта и заканчивая различными вариантами аналитической, философии XX и XXI вв.

Несмотря на то что рациональная парадигма играет доминирующую роль, она должна быть заменена нарративной парадигмой. Это требование Фишер аргументирует тем, что, во-первых, нарративная парадигма естественным образом присуща человеку, во-вторых, она исключает социальный контроль, в-третьих, уравнивает участников за счет исключения экспертов и наконец, в-четвертых, обладает «морально-нравственным преимуществом».

Нарративная парадигма, как и рациональная, включает несколько основных положений [6, р. 64]:

- человек по своей сути является рассказчиком, «*homo narrans*», и в этом заключается принципиально иное понимание человека по сравнению с тем, как он понимается в рациональной парадигме;
- основным способом принятия решений и выполнения действий является предоставление «достаточных оснований», ценность которых определяется типом коммуникативной практики, обсуждаемой темой, ситуацией, участниками;
- степень «достаточности оснований» наряду с индивидуально важными факторами (см. предыдущий пункт) определяется также историей, культурой, коллективным опытом;
- рациональность нарративной парадигмы, которую Фишер иногда называет «логикой здравого смысла», определяет связанность событий и субъективную достоверность, причем последнее происходит согласно «внутреннему пониманию нарративной вероятности» [6, р. 64]. Это означает, что люди обладают «внутренним

пониманием нарративной вероятности того, что представляет собой связную историю», и это обусловлено их «постоянной привычкой проверять достоверность повествования, независимо от того, соответствуют ли истории, которые они переживают, правдивым историям, которые, как они знают, являются правдой в их жизни» [6, р. 65];

- мир, в котором живут люди, – это не набор загадок и головоломок, требующих своего разрешения, мир – это набор потенциальных историй, среди которых необходимо выбирать то, что соответствует «хорошей жизни», т.е. объясняют мир и наше место в нем.

Как уже было отмечено выше, по мнению Фишера, нарративная парадигма обладает рядом достоинств, которые одновременно являются ее отличиями от рациональной парадигмы.

Вхождение в рациональную парадигму предполагает предварительную подготовку, обучение и освоение навыков рациональной аргументации. В отличие от этого включение в нарративную парадигму происходит само собой, на основе того, что людям врождено умение понимать правдивость нарратива, его соответствие и достаточность. Все участники нарративной парадигмы обладают «логикой повествования», т.е. возможностью определить связанность нарратива, его достоверность и точность. Нарративная вероятность определяется «внутренней согласованностью» т.е. посредством проверки соответствия «формальных особенностей нарратива», к которым относятся согласованность действующих лиц, их действий и приспособление к аудитории [6, р. 75].

Фишер выделяет три возможных способа оценки вероятности нарратива. Первый – это определение структурной согласованности между частями нарратива. Второй – соотнесение с другими нарративами, близкими по содержанию [6, р. 47]. Третий – анализ характеров действующих лиц нарратива, «организованный набор поведенческих реакций» [6, р. 47]. «Сильный нарратив», т.е. тот, который влияет на принимаемые решения и выполняемые действия и их определяет, повествует о стабильных персонажах, действия которых согласуются с прошлым и предполагаемым будущим.

Слушатели нарратива оценивают наличие в нем «убедительных причин» для своего дальнейшего поведения. Фишер описал механизм воздействия и представил его пятью возможными вариантами: это признание, подтверждение, очищение, дискредитация,

уничтожение. Первый вариант заключается в том, что нарратив конституирует определенные смыслы, которые получают признание и становятся основанием для действий. Второй вариант реализуется тогда, когда нарратив закрепляет, усиливает уже имеющиеся смыслы, т.е. подтверждает их. Третий связан с прояснением содержания, или, в терминологии Фишера, с «очищением», «исцелением» [6, р. 144]. Четвертый ориентирован на «подрыв» существующих идей, смыслов, образов. А пятый заключается в уничтожении смыслов, идей из других нарративов [10, р. 145].

Первые три варианта из названных выше предполагают соотношение с имеющимися ценностями. Именно в этих случаях нарратив становится основой для формирования убеждений и для действий. Получается, что базовым принципом реализации нарратива является идентификация себя с ценностями, смыслами, идеями нарратива, т.е. приспособление и присоединение.

В рассуждениях Фишера присутствует некоторая двойственность или даже тройственность. Она связана с ответами на вопросы о том, что является основной целью нарративной парадигмы или как соотносятся цели, функции нарративной парадигмы.

Первая цель парадигмы заключается в том, чтобы оценить убедительность нарратива, т.е. то, как он соотносится с имеющимися ценностями, образами, идеями. И здесь возможны три совпадающих варианта, которые были кратко охарактеризованы выше: признание, подтверждение, очищение. Либо два варианта, когда совпадение отсутствует: дискредитация и уничтожение.

Вторая цель нарративной парадигмы, состоит в том, чтобы предоставить человеку или сообществу основание для принятия решений, руководство к действию. Она задает алгоритм для определения вероятности и достоверности данного конкретного нарратива. Фишер пишет: «...Основная функция парадигмы состоит в том, чтобы предложить способ интерпретации и оценки человеческого общения, который ведет к критике, определению того, обеспечивает ли данный нарратив надежным, заслуживающим доверия и желательным руководством к мысли и действию в мире» [10, р. 351].

Третья и, может, самая важная функция, по мнению Фишера, заключается в моральном регулировании, т.е. хороший нарратив не только является убедительным и выступает основанием для принятия решений, он также функционирует как моральный регулятор. Поскольку этическое действие является привычным, то именно

в нарративной парадигме содержатся способы решения моральных проблем [6, р. 69].

Критериями «хорошего» нарратива служат нарративная вероятность, достоверность и совпадение ценностей, идей, смыслов. Он воспринимается слушателем или аудиторией как руководство для принятия решений или выполнения действий, он может звучать правдоподобно для отдельных людей и резонировать с их собственным опытом и опытом тех, кем они восхищаются. Однако все это не является гарантией моральности нарратива. Как верно замечает В. Варник, люди, вопреки заверениям В. Фишера, далеко не всегда предпочитают справедливую, правильную точку зрения [19, р. 176]. Истории XX в., к сожалению, известны примеры хорошо написанных и произносимых нарративов, которые при этом были абсолют-но безнравственными.

Именно такие нарративы достаточно часто используются как средство социального контроля, возможность которого в рамках нарративной парадигмы Фишер отрицает. Рациональная парадигма, по мнению Фишера, наоборот, выступает формой контроля над обществом и человеком. Контроль является обязательным так как принятие решений осуществляется экспертами и они же оценивают качество аргументации. В результате существенно уменьшается значимость публичных дискуссий, зато усиливается нежелание граждан в них участвовать. Нарративная парадигма гарантирует каждому возможность равного участия, так как все люди способны производить нарративы и оценивать их [7, р. 15].

Фишер упускает из виду тот факт, что именно связанные и последовательные нарративы часто используются как средство социального контроля в силу своей понятности и привлекательности. Убедительным примером, который свидетельствует о том, что в рамках нарративной парадигмы социальный контроль также возможен, является «нарратив реституции»^{*} как один из возможных вариантов нарратива болезни. Он представлен в известной работе А. Франка «Раненный рассказчик» наряду с двумя другими: «нарративом поиска» и «нарративом хаоса» [2, с. 164–166].

^{*} На русский язык «restitution narrative» обычно переводится как «нарратив выздоровления». Однако, на мой взгляд, вариант «нарратив реституции» более соответствует смыслу, так как речь идет именно о возврате в изначальное, здоровое состояние.

Нарратив реституции имеет следующую формулировку: «вчера я был здоров, сегодня я болен, а завтра я снова буду здоров». Нарратив реституции активно поддерживается медицинскими учреждениями, фармацевтическими компаниями, средствами массовой информации и направлен как на больных, так и на потенциальных пациентов. Данный пример свидетельствует, что и в рамках нарративной парадигмы социальный контроль возможен.

Публикации В. Фишера о риторическом применении нарратива, о нарративной парадигме сыграли большую роль в развитии нарративных исследований. Безусловными достоинствами стали привлечение внимания к вопросу о том, как нарратив влияет на принятие решений и действия, и выявление признаков нарративной парадигмы. Об интересе к исследованиям Фишера говорят многочисленные ответные публикации. Наряду с поддержкой и развитием взглядов автора появилось много работ, в которых его позиция частично или полностью критикуется. Под критику попали рассуждения Фишера об исключительно риторической природе нарратива, его характеристики нарратива и утверждение об универсально-тотальной роли нарратива, рассуждения о приоритете нарративной парадигмы по сравнению с рациональной и нарративной парадигмы по сравнению с рациональной. В более жестких вариантах критики обосновывалось отсутствие нарративной парадигмы и, соответственно, отвергалась ее доминирующая роль в коммуникации как определяющей форме существования человека. Как показало наше исследование, проблематичным также является утверждение о нормативном характере нарративной парадигмы, о ее этической обязательности, а также об отсутствии социального контроля в рамках нарративной парадигмы.

Литература

1. Барбашина Э.В. Проблемы медицинского нарратива // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 1. С. 152–163. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-152-163.
2. Лехциер В.Л. Болезнь, опыт, нарратив, надежда: Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literatūros namai, 2018. 312 с.
3. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2004. № 1 (6). С. 41–53.

4. Denzin N.K. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods (Methodological perspectives) / Ed. by R.J. Hill. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. 368 p.
5. Denzin N.K. Interpretive Biography. London: Sage Publishings Inc., 1989. 96 p.
6. Fisher W. R. (1980) Rationality and the logic of good reasons // *Philosophy and Rhetoric*, 13 (2), 121–130.
7. Fisher W.R. (1984) Narration as a human communication paradigm: The case of public moral argument // *Communication Monographs*. 51,1–22. <https://doi.org/10.1080/03637758409390180>
8. Fisher W.R. (1985) The narrative paradigm: An elaboration // *Communication Monographs*. 52, 347–67.
9. Fisher W.R. (1985) The narrative paradigm: In the beginning // *Journal of Communication*. 35, 74–89.
10. Fisher W.R. (1987 (1989)) Human communication as narrative: Toward a philosophy of reason, value, and action. Columbia: University of Southern Carolina Press, 220.
11. Fisher W.R. (1992) Narration, reason, and community // *Writing the social text: Poetics and politics in social science discourse* / ed. by R. H. Brown. New York: Aldine De Gruyter, 199–217.
12. Franzosi R. Narrative analysis – Or why (and how) sociologists should be interested in narrative // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 517–554.
13. Hutcheon L., Hutcheon M. Narrativizing the end: Death and opera // *A Companion to Narrative Theory* / Ed. by J. Phelan, P. Rabinowitz. Oxford: Blackwell, 2005. P. 441–450. URL: <https://doi.org/10.1002/9780470996935.ch30>
14. Kreiswirth M. Narrative turn in the humanities // *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory* / Ed. by D. Herman, M. Jahn and M.-L. Ryan. London; N.Y.: Routledge, 2005. P. 377–382.
15. McAdams D.P. The Storied We Live By: Personal Myths and the Making of the Self. New York and London: The Guilford Press, 1993. 336 p.
16. Mishler E. Foreword // *The Self in Health and Illness: Patients, Professionals and Narrative Identity* / Ed. by F. Rapport, P. Wainwright. Oxford: Radcliffe Publishing, 2006. P. IV–VII. URL: <https://doi.org/10.1002/9780470996935.ch30>
17. Reissman C.K. Narrative Analysis. Newbury Park, CA: Sage Publications Inc., 1993. 217 p.
18. Smith B., Sparkes A. Narrative inquiry in sport and exercise psychology: What can it mean, and why might we do it? // *Psychology of Sport and Exercise*. 2009. Vol. 10 (1). P. 1–11.
19. Warnick B. The narrative paradigm: Another story // *Quarterly Journal of Speech*. 1987. Vol. 73. P. 172–82.

References

1. Barbashina E.V. (2020). Problemy medicinskogo narrativa [The problems of medical narrative]. *Idey i idealy [Ideas and Ideals]*. 12 (3, (1)), 152–163. (In Russ.).
2. Lekhcier V. L. (2018). Bolezn', opyt, narrativ, nadezhda. Ocherk social'nyh i gumanitarnykh issledovaniy mediciny [Illness, experience, narrative, hope. Sketch of social and humanitarian problems of medicine]. Vilnius: Logvino literatūros namai, 312. (In Russ.).

3. *Trocuk I.V.* (2004). Narrativ kak mezhdisciplinarnyj metodologicheskij konstrukt v sovremennyh social'nyh naukah [Narrative as an interdisciplinary methodological construct in contemporary social sciences]. Vestnik RUDN, seriya Sociologiya [Vestnik References RUDN, Sociology Series], 1(16), 41–53.
4. *Denzin N. K.* (1970) The research act. A theoretical introduction to sociological methods (Methodological Perspectives) / ed. by R. J. Hill. Chicago: Aldine Publishing Company, 368.
5. *Denzin N. K.* (1989) Interpretive biography. London: Sage Publishings, Inc, 96.
6. *Fisher W. R.* (1980) Rationality and the logic of good reasons // Philosophy and Rhetoric, 13 (2), 121–130.
7. *Fisher W.R.* (1984) Narration as a human communication paradigm: The case of public moral argument // Communication Monographs. 51,1–22. <https://doi.org/10.1080/03637758409390180>
8. *Fisher W.R.* (1985) The narrative paradigm: An elaboration // Communication Monographs. 52, 347–67.
9. *Fisher W.R.* (1985) The narrative paradigm: In the beginning // Journal of Communication. 35, 74–89.
10. *Fisher W.R.* (1987 (1989)) Human communication as narrative: Toward a philosophy of reason, value, and action. Columbia: University of Southern Carolina Press, 220.
11. *Fisher W.R.* (1992) Narration, reason, and community // Writing the social text: Poetics and politics in social science discourse / ed. by R. H. Brown. New York: Aldine De Gruyter, 199–217.
12. *Franzosi R.* (1998) Narrative analysis – Or why (and how) sociologists should be interested in narrative // Annual Review of Sociology. 24, 517–554.
13. *Hutcheon L., Hutcheon M.* (2005) Narrativizing the End: Death and Opera // A Companion to Narrative Theory James / J. Phelan, P. Rabinowitz (Eds.). Oxford: Blackwell, 441–450. <https://doi.org/10.1002/9780470996935.ch30>
14. *Kreiswirth M.* (2005) Narrative turn in the humanities // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / D. Herman, M. Jahn and M.-L. Ryan (Eds.). London and New York: Routledge, 377–382.
15. *McAdams D. P.* (1993) The Storied We Live By. Personal Myths and the Making of the Self. – New York and London: The Guilford Press, 336.
16. *Mishler E.* (2006) Foreword // The self in health and illness: Patients, professionals and narrative identity / F. Rapport, P. Wainwright (Eds.). Oxford: Radcliffe Publishing, IV–VVII. <https://doi.org/10.1002/9780470996935.ch30>
17. *Reissman C. K.* (1993) Narrative analysis. Newbury Park: Sage Publishings, Inc, 217.
18. *Smith B., Sparkes A.* (2009) Narrative inquiry in sport and exercise psychology: What can it mean, and why might we do it? // Psychology of Sport and Exercise. 10 (1), 1–11.
19. *Warnick, B.* (1987) The narrative paradigm: Another story. Quarterly Journal of Speech. 73., 172–182.

Информация об авторе

Барбашина Эвелина Владимировна. – Новосибирский государственный медицинский университет (630099, Новосибирск, Красный проспект 52);

Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
linaba@mail.ru

Information about the author

Barbashina, Evelina Vladimirovna. – Novosibirsk State Medical University (52, Krasnyy av., Novosibirsk, 630099, Russia);

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления 19.08.2023